

Владимир Некляев

Лопата

Рассказ

С белорусского. Перевод Нины Дебольской

«Литвинка божий?! Тю, литвинок, ты ж чёртов!»
«Ага, пусть и чёртов, да не твой!»

Из украинского фольклора

Солнце над Яриловой горой всходило веселое — совсем не под настроение Тита. Но что сделаешь с солнцем? С Ярилой? Тут с самим собой не поделаешь ничего, а не то, что с богом...

В последние года Ярило невзлюбил за что-то Нальшу. Вот и в этом году еще в начале лета спалил хлеба. Почему он беду послал, на кого, на что озлобился? Про то даже вайдэлот Тур и верховный жрец, вешун Криве-Кривейта, который приехал в Крево, чтобы принести жертву Яриле, не дознались. Весь июнь стояла такая жара, что, казалось, плавилась камни, и семью Тита, к которой вскоре должен был добавиться еще один рот, ждал голод. Да и не только семье Тита, но и всему Креву, всей Нальше, на земле которой и без солнечных пожаров было едва прокормиться, предстояло в этом году голодать.

— Давайте мне лопату, — сказал Тит сыновьям, как только поели. И положил около пустой миски, обтерев хлебом, ложку. Милава скоро родит, да мне и так уже...

Сыновья его, старший Вит, средний Дан, муж Милавы, от которой не сегодня-завтра должен был появиться у Тита внук, и младший Юр доели свое, также вытерли хлебом и положили на стол ложки.

— Сегодня?.. Или завтра?.. спросил Вит по праву старшего. И когда отец, промолчав на первый вопрос, на второй кивнул, Вит поднялся из-за стола. — Завтра так завтра.

За ним поднялись Дан с Юром. Говорить больше не было о чем. Воля отца — это воля отца. Как сказал, так должно быть.

С седой старины велся в Нальшанской земле обычай: когда хозяин, состарившись, ослабевал, не мог ни посеять, ни пожать, ни смолотить, а только съесть, он или

Некляев Владимир Прокофьевич — известный белорусский поэт, прозаик и общественный деятель. Родился в 1946 году в г. Сморгонь (Гродненская обл., БССР, СССР). Лауреат премии Ленинского комсомола (1979), Государственной премии Республики Беларусь (1998), Международной премии им. Ежи Гедройца. Живет в Минске.

Постоянный автор «ДН». Предыдущая публикация — 2019, № 12.

переселялся из красного, хозяйского угла в запечье, или, чтобы не быть в семье нахлебником, просил дать ему лопату.

Большинство выбирало запечье. А лопату выбирал тот, кто не хотел доживать жизнь с мышами.

Обычай требовал, чтобы лопата была или с гумна, где ею хлеб на току веяли, или из дома, где на ней тесто в печь ставили. Чтобы имела отношение к хлебу — и было понятно: все. Сытно или нет, но наелся. Съел человек свое.

Перед заходом солнца он поднимался с лопатой на Ярилову гору, девять раз обходил вершину, где испокон веков было капище, вставал на колени, молился Яриле, а в тот момент, когда солнце склонялось к горизонту, склонялся вслед за ним, положив голову на жертвенный камень. Лопату, которую он принес на плечах, брал его младший сын и бил сверху. По затылку. Обычай требовал, чтобы делал это обязательно младший, — так замыкался очередной круг жизни. С последними солнечными искрами брызгала кровь, и жизнь заходила, закатывалась за границу земли и неба вместе с солнцем...

Тит не мог выбрать запечья.

— Что это с отцом? — спросил Дан братьев, собираясь в свой шалаш в Богушевском лесу, где он драл бересту, заготавливал смолу, деготь, уголь. — Ему же не время, здоровый еще...

— Сын твой здоровее будет, — кивнул Вит на Милаву, которая грела на солнце у стены сеного сарая свой огромный живот. — Не сегодня-завтра одним ртом станет больше. Значит, одним ртом должно меньше стать.

«Кто ж знал, что голод...» — хотел сказать Дан, но Юр опередил:

— Ты что его винишь? Он же не знал, что голод. А если б и знал, так что?..

На том разговор между братьями закончился. Юр пошел на свою пасеку, а Вит, бросив взгляд на круглые груди над круглым животом Милавы, сказал, облизнувшись:

— А то. Не надо было эту смолянку к нам тянуть. Из-за нее все беды. И вот увидишь, Дан: они еще не кончились. Если не так, пусть мне ни рыбы в реке, ни зверя в лесу...

Юр в их семье разводил пчел, бортничал, ведь чем еще, как не пчелами, однорукому заниматься, а Вит охотился да рыбачил. Он сложил высушенные сети, чтобы поставить их в Кревлянке на форель, взглянул еще раз на Милаву и пошел к реке.

Про то, что было, Вит правду сказал. Но про то, что будет, богам знать, а не Виту.

Беды начались после наезда на Смоленское княжество, откуда вернулись нальшанцы с богатыми обозами, а Дан еще и с полонянкой. Он не знал, как на самом деле ее зовут, а она не сказала, так Дан сам назвал полонянку Милавой. Известно, настоящее имя ее было другое, христианское, смоляне не держались так за языческую веру и обычаи предков, как нальшанцы, но какая разница, как называется это диво...

Милава была красивая, как богиня. Богиня красоты. Высокая, гибкая, с васильковыми глазами, белая-белая, с черными, как смола, волосами. Дан сказал, что нашел ее во дворце князя, но что она там делала, кем была, от Милавы было не дознаться.

Смолян ко времени последнего наезда Нальши уже обложила данью Орда, так что выходило, будто нальшанцы взяли в Смоленске не свое, а ордынское. Меньше чем через год поскакало на Нальшу шальное войско Бурундая вместе с дружиной великого князя Василька Романовича. Нальшанский князь Давмонт кинулся за помощью в Новогрудок к свояку, великому князю литовскому Миндовгу, но свояк не помог. Была у свояка другая цель: присоединить к Новогрудку, к Литве, Нальшанскую землю, ослабленную набегами Бурундая. А в Крево вместе с князем Васильком прискакал смоленский князь Глеб, и вместе они Крево разорили, жгли его в поисках полонянки, про которую говорили, что она была невестой смоленского князя, но не нашли ее, спрятанную Даном в шалаше Богушевского леса.

Когда Василёк с Глебом покинули ограбленное Крево, когда Дан привел Милаву и когда все, кто остались живыми, потребовали принести ее в жертву Яриле, чтобы он сжалился над Нальшей, вайдэлот Тур сказал: «Нет, Ярило дал мне знак, что ему нужна другая жертва. Большая, чем полонянка. А какая, пока знака не было». И все, посмотрев друг на друга, промолчали, не зная, что это Тит шепнул вайдэлоту Туру: «Если первой жертвой станет смолянка, второй станешь ты». А вайдэлот Тур знал, как и все знали, что Тит, который сколько жил на земле, столько воевал, побив людей больше, чем их осталось в Креве, слов на ветер не бросает.

Был тот знак или не было знака, но полонянку Милаву не принесли в жертву Яриле, а в Новогрудке неожиданно умерла княгиня Марта. Жена великого князя Миндовга. Сестра княгини Агны, жены князя Давмонта. Здоровая, тридцатилетняя — и вдруг...

Дивная смерть. «Великая княгиня — великая жертва, какой хотел Ярило!» — оповестил вайдэлот Тур, и все на какое-то время успокоились, кроме самого бога Ярилы и великого князя Миндовга.

Когда-то Марта звалась Ведой и была женой князя Вишымунта, которого вместе с братьями его Ердзивилом и Спрудейком убил Миндовг, чтобы взять Веду, — так она ему приглянулась. И взял он язычницу Веду, которую окрестил Мартой, и она родила ему двух сыновей, Репика и Руклю. Гуляя с ними перед сном, Марта и умерла.

Сама?.. Какая это мать, молодая и здоровая, умирает, гуляя с детьми?.. А Миндовг много кому умереть помогал, так что самые разные слухи ходили...

Когда с вестью о смерти Марты прискакал в Крево гонец и княгиня Агна засобирилась в Новогрудок на похороны сестры, верховный вещун Криве-Кривейта позвал князя Давмонта на Перунову гору: «Сам не поезжай, князь, и не пускай жену». — «Почему?» — «Сам поедешь на смерть, а жена твоя — на насилие. Так говорят боги — и так стоят звезды».

Сам Давмонт не поехал, не очень-то и хотелось ему видеть Миндовга, а жену свою норовистую на то, чтобы не ехала, не уговорил. Та одно твердила: «Не знаю, что сказали боги, но знаю, что про меня люди говорить будут, если я с сестрой не попрощаюсь».

И дал ей князь дружину в тридцать человек с молодым Титовым сыном Юром, и отправил в Новогрудок.

В Крево вернулась только половина дружины, побитая и посеченная. Агна не вернулась. Юр, который остался без правой руки, поведал такое, что даже Тит, хорошо знавший Миндовга и в играх, и в сечах, не сразу поверил. На поминках по Марте великий князь плакал, жаловался на судьбу и на богов, которые забрали у него жену, а потом вытер слезы и объявил, что перед самой смертью Марта высказала последнюю волю свою: жениться князю на ее сестре! И взял Миндовг себе в жены Агну, жену Давмонта. Насильно взял, как когда-то Марту, убив ее мужа Вишымунта. Так Марта все же стала вдовой, а тут — при живом муже.

Сошел ли с ума великий князь или так ему одиноко под конец жизни стало, что уж и не знал, как повеселиться, гадать про то мог кто угодно, но не Давмонт. Ему оставалось одно: отомстить за оскорбление. Уничтожить Миндовга.

Одному нальшанскому князю было это не под силу, он начал искать сообщников. И нашел литовского князя Трайната. Как Давмонт мечтал о мщении, так Трайнат, племянник Миндовга, мечтал о великом княжеском престоле. Договорившись, они собрали дружины как будто для того, чтобы помочь Миндовгу завоевать Брянское княжество, но с полпути повернули на Альконы. Там, в устье Сулы, было поселение великого князя. Они пришли вечером, на ночь стали в лесу, а утром напали...

В дружине Давмонта была вся семья Тита, кроме однорукого Юра. Сам Тит, Дан и Вит. Секли так, что живых не оставили. Миндовга забил сам Давмонт, сыновей великого князя, Репика и Руклю, Тит с Витом, а Дан засек Агну. Побросали их, на куски посеченных, в реку — и двинулись на Новогрудок. В столице великого князя

Миндовга уже знали про его гибель, открыли перед Трайнатом и Давмонтом городские ворота.

Мсть рождает мсть, больше ничего она не рождает. Трайнат недолго пробыл на княжеском престоле, его задушили слуги Миндовга. А Войшалк, старший сын Миндовга, собрал войско и напал на Крево, заставив Давмонта сбежать во Псков. Там нальшанский князь принял христианство, женился, стал князем Тимофеем и до конца жизни мстил Литве и Нальше, посылая наезд за наездом, набег за набегом на землю отцов.

— Отец, ты не забыл, что у Юра нет правой руки? — спросил Дан, собираясь в лес. — И он не левша. Смотри, чтоб не вышло так, как как-то с Драговитом... Помнишь?

Это все в Креве помнили. Младший сын Драговита был квелым, слабым на руки. Драговит лег под лопату и живым остался. Только искалеченным. Не двигался два года, пока не умер.

Такой доли никому не пожелаешь.

— Юр хоть и с одной рукой, но...

Дан не дослушал, зашел в стойло, вывел жемайтийского жеребца, которого тоже пригнал в обозе из Смоленска.

— Но поговорил бы ты, отец, с вайдэлотом, чтоб или Вит заменил Юра, или я... Вайдэлот хитрый, что-нибудь придумает.

— Что он придумает? По обычаю младший сын забивает лопатой. А если вайдэлот нарушает обычай, так какой он вайдэлот?

— Ну, смотри... Придумали ж вы с ним, как Милаву не принести в жертву Яриле.

Дан вскочил на коня, Тит взялся за узду:

— Ты сам хочешь меня забить?

— Нет! — кнутом огрел Дан жеребца, тот взвился свечкой, едва руку Титу не вырвав, и Тит подумал вслед среднему сыну: «Еще как хочет!..»

Когда Дан привел в дом Милаву, когда Тит увидел, как она, будто черную тучу над белым снегом, волосы с груди на плечи перебрасывает, тогда зашумела в нем кровь — и первое, что подумалось: «Кому-то из нас, или Дану, или мне, из-за этой смолянки не жить». И не только потому, что Милава была красивой. Добронега, жена Тита, которая умерла, народив ему пятерых сыновей, из которых выжили трое, тоже была красивой. Очень. Так что Тит привык к женской красоте. Но у Добронеги не было того, что он сразу почувствовал в Милаве. Того, что может быть, Миндовг почувствовал в Агне, из-за чего и взял ее силой на поминках по жене. Забрал у Давмонта. И Тит, как только увидел Милаву, почувствовал это. И понял, что заберет ее у Дана.

И забрал. Но не так, как Миндовг забрал Агну. Не открыто, а тайком. Как только Дан в свой шалаш лесной отъехал, Тит взял смолянку. Она и не противилась, потому как почувствовала в нем, может быть, то, чего не почувствовала в Дане. И в следующий раз, когда Дан уехал в шалаш, сама к Титу пришла.

Так они и жили втроем. Сын со своей женой — и отец с женой сына. Язычника Тита это не смущало, а Милава, которая выросла и была воспитана христианкой, мучилась. И мучила Тита. «Это грех. Это грех. Так нельзя, так нельзя». Какой грех? Почему нельзя? Это природа, страсть. Куда она ведет, туда за ней идут. Звери, люди. И потом, еще недавно в нальшанских семьях и по две, и по три жены было. Прадед Тита с тремя жил. Кормил их, детей кормил — и жил. Не мог бы кормить, не жил бы.

Вот теперь Тит не только Милаву, никого кормить не может — и уходит ото всех. Ложится под лопату. Все по обычаям предков, по вечным законам жизни, а не по принесенным откуда-то писаниям. Кто и где их писал? Что в них?.. Милава ему поведала. Если по ним жить, так человеку не повернуться. Самому ничего не решить. Вот он сказал Милаве вчера, что пойдет под лопату. Она давай креститься, молиться. Снова: «Нельзя, нельзя. Грех, грех. Страшный, смертный». Почему? Грех за печью с мышами жить! Даже не так грех, как позор. А тут какой позор? Никакого. Перед кем?

Ни перед кем. А если нет позора, нет и греха. А она свое: «Грех перед Богом, который жизнь дал». Ну, если даже дал, так теперь она моя — и я сам с ней разберусь. Как решу, так и будет.

Вообще все, что в тех писаниях — для слабых людей. Не могу, де, под лопату лечь, Бог не позволяет. Буду в запечье с мышами сидеть. Недаром Миндовг, сильный человек, отрекся от навязанной ему христианской веры и вернулся к вере языческой. Вере предков.

«Это святотатство, — сказала Милава. — Он осудил себя на муки вечные. Бог такого не прощает».

Когда Тит первый раз взял ее, Милава долго рассказывала ему о своем жите — и он слушал. Лежал на спине, гладил ее по волосам и слушал, что она рассказывает. Никогда раньше такого не было, потому что кого слушать? Что может сказать женщина? И обычно он успокаивал плоть, выбрасывал семя — и все. Натягивал одежду — и или на работу, или на войну. А тут лежал и слушал, удивляясь самому себе, ее повести про детство, про родителей, про ее любовь, про ее Бога...

«Вы дикари, — говорила она. — Вы молитесь идолам. У вас не сосчитать богов и божков, которым вы приносите жертвы, и они вместе с вами пьют, едят, хохочут». Он смеялся: «Так хорошо же с богами, если они с нами». — «Бог один, — приподнималась и крестилась она, — и он Бог-Отец, Бог-Сын и Бог- Дух Святой, и он тот, кто пошел на мучения, пожертвовал собой для нас, дал распять себя...» — И Тит спрашивал: «А зачем? Меня татары, у которых свой бог, распять хотели, так я не дался, забил четырех и убежал...» — а она рот ему закрывала: «Говорю тебе, что Бог во всех один, нет бога татарского или нальшанского...» — и он руку ее целовал, сам не осознавая, что женщине руку целует.

«Нальшанский бог есть, он привел Дана в Смоленск, а Дан тебя привел в Крево, чтобы стала моей богиней...» — сказал он, думая: «О Перун, о Ярило, о Велес, что это я делаю и что говорю? Кто из вас послал мне эту женщину на мою погибель? Не вы послали? Единый Бог, у которого в Креве все больше верных?»

Христиан в Креве, да и по всей Нальше после набега на Смоленск на самом деле прибавилось. Они поставили под Яриловой горой часовню и даже начали строить храм. Язычники удивлялись: зачем? Когда храм — земля под небом. Зачем прятаться в каменных домах, когда можно молиться в святылищах, на горах и холмах почитать своих богов, которые тоже не прятались, а испокон веку жили вместе с людьми? Любили друг друга, ссорились и даже дрались, но в конце концов всегда приходили к согласию. Боги и люди не были разными мирами, они жили на одном свете, который был цельным и нерушимым, не делился на жизнь и смерть — и никто не боялся ни жить, ни умереть.

Тит боялся, что забудет Дана. Больше ничего он не боялся. И спрашивал у себя самого: «Если есть что-то такое, из-за чего можно убить сына, и если это не власть и не золото, тогда что это? Если это женщина, если он дожил до того, что из-за женщины может пролить родную кровь, так нельзя ждать, пока такое случится. Вот почему еще, а не только из-за страха голода, попросил Тит лопату.

Никто этого не понял. Ни Вит с Юром, ни Дан. А Милава поняла.

— Зачем ты так?.. — спросила она, когда сыновья Тита разошлись кто в лес, кто на пасеку, кто на реку, а он присел к Милаве около гумна под стену на солнце. И она положила руку его на свой живот:

— Зачем ты из-за большого сына малого сына сиротой оставляешь?..

И кто-то ударил из живота Милавы в ладонь Тита! Маленьким кулачком! Тихо, но ударил!..

Тит хотел снять ладонь, да что-то удерживало руку на животе, притягивало, и это не была гладкая кожа Милавы, а что-то такое, что под ней, про что Тит до этого дня не спрашивал, не думал, а Милава договорила:

— Если уж ты решил, чтобы дали тебе лопату, так знай: дитя во мне твое.

Он спросил:

— Откуда ты знаешь, что мое? — И она сильнее прижала к животу его руку, под которой билась, пульсировала внутри нее жизнь.

— Ты уж не признайся никому, — посмотрев во все стороны, сказал он тихо. — За это смерть. Да еще лютая, располовинят.

— Как это?

— Напополам рассекут, если с двумя была.

Она заглянула ему в глаза. Глубоко посмотрела.

— Это если тебя не будет... А если ты будешь? Защитишь?

Тит поднялся.

— От людей защитил бы — от обычаев не защитит. Если Дан не забудет, я забить должен. Ведь позор не на одном Дане — на всей семье. А я старейший в ней. Глава рода. Мне и вершить суд по законам предков. Понимаешь?

Глаза Милавы стали влажными, но она удержала слезы.

— Какой суд? Почему надо мной? Не над тобой, не над Даном... Кто привез меня сюда, кто взял силой?.. Какие законы, если я люблю тебя? Если я тебя люблю и ношу твое дитя? Твоего сына, Тит...

Он не нашел, что сказать на это. Повернулся и пошел в дровяной сарай. Расколол пополам один березовый кругляк, второй, третий — только щепки летели. «Сила еще есть... — сам про себя подумал. — Но сегодня есть, а завтра... — Увидел, как вырастет сын, будет стоять вот тут, колоть березовые кругляки, только щепки лететь будут... Вспомнил, как кололи дрова его отец, дед... Как летели щепки... Все было так же. И так же будет... — Так для чего тогда, если все то же самое, одно исчезает, а другое появляется? Один умирает, а другой...»

Тит вогнал топор в колоду, набрал поленьев и понес в баню. Надо было помыться перед завтрашним днем.

Назавтра с самого утра солнце палило так, как будто помешалось. Земля изнемогала от жары, а люди изнемогали и от жары, и от земли, которую надо было поливать и поливать, чтобы не сгорела. На огороды ведрами вынесли чуть ли не всю обмелевшую речку Кревлянку, после чего как бы в насмешку над Ярилой Перун послал дождь. В полдень наплыла духота, а под вечер над Перуновой горой неожиданно собрались тучи, из которых обрушился водопад. Дождь не лил, а стеной падал, и за несколько мгновений воды стало столько, что Кревлянка забурлила, вышла из берегов, затопила и смыла нижние огороды, а верхние, на склонах, куда носить воду с реки сил не хватало, были уже спалены солнцем — и опустевшая, черная в ложбинах и порыжевшая на склонах пригорков земля страшно зияла неизбежным зимним голодом. Титу теперь и думать не было о чем, только о лопате.

Вайдэлоту Туру и верховному вещуну Криве-Кривейте тоже. Ведь хлебом их были зрелища. И поэтому, когда Тит пришел на Перунову гору, к святилищу, где вайдэлот с двенадцатью жрецами благодарил Перуна за дождь, и спросил, нельзя ли что-то придумать, чтобы поменять однорукого Юра на одного из его братьев, Дана или Вита, вайдэлот Тур ответил, что придумать ничего нельзя. Ведь если он, вайдэлот Тур, нарушит стародавний обычай, по которому бить лопатой отца должен самый младший сын, иначе не замкнется круг и напрасной будет жертва, верховный вещун Криве-Кривейта спросит: «Если вайдэлот нарушает обычай, какой же он вайдэлот?..»

Тит давно знал вайдэлоа Тура. Еще со времен, когда Тур был не вайдэлотом, а служкой великого князя Миндовга. Причем служкой с неизвестно какими обязанностями, скорее всего тайными. Лисом бегал он по Нальше, что-то вынюхивал, кого-то выслеживал. Затем внезапно исчез — и лет через пять объявился на капище под Новогрудком вайдэлотом. И объявил волю богов: всей Литве и Нальше покориться великому князю.

Когда Юр с остатками дружины, посеченной Миндовгом, возвращался из Новогрудка, вайдэлот Тур догнал их по дороге и сказал, что впереди, под Любчей, засада. Была там засада или нет, но они обошли Любчу, и Тур вернулся в Нальшу

вместе с ними. Сказал, что будет в Креве молить богов за княгиню Агну. Та, силой взятая Миндовгом, осталась в Новогрудке, а молить богов за нее Тур почему-то вернулся в Крево.

Шпионом Миндовга он вернулся. Миндовг понимал, что рано или поздно князь Давмонт попробует отомстить за жену, и хотел знать, когда и как.

Тур и Титу предложил служить Миндовгу. «Ты же воин, ты же разумный человек, — сказал он, передавая Титу подарок Миндовга: полуторный, острый, как пчелиное жало выкованный тевтонский меч. — Великий князь создает великую державу, а мелкие князья мешают. И Давмонт мешает. Засел тот на дороге в Вильно. Думаешь, Миндовгу жена Давмонта нужна? Да у него таких жен!.. Он намеренно так сделал, чтобы Давмонт, который сейчас ослаблен набегами татар, голову потерял, мстить кинулся. И в слепой жажде мести на самом деле потерял голову. Помоги великому князю — и станешь его правой рукой, которая меч держит. Вот что означает подарок...»

Подарок был княжеским, кто-нибудь другой на него купился бы, но Тит был не просто воином. Он был воином верным. И сказал Давмонту про разговор с вайдэлотом Туром. Спросил: «Снести голову подаренным мечом?» — «Нет, — сказал князь. — Шепни в уши, которые растут на той голове, что мы собираемся напасть будущим летом. А мы в сговоре с Трайнатом выступим этой осенью. И всем головы поносим».

Тит сделал так, как сказал князь Давмонт. А князь сделал так, как сговорился с Трайнатом. Напал осенью и всем головы поносил, после чего вайдэлот Тур долго боялся Тита. Делал все так, как Тит говорил. Но теперь Давмонт княжил в Пскове, сам был предателем, которому Тит когда-то служил, так зачем вайдэлоту Туру бояться Тита?

— Для Тура лучше, чтоб меня однорукий лопатой бил, — сказал Тит, взойдя на Ярилову гору к верховному вешуну Криве-Кривейте. — Ведь смотреть, как однорукий отца забивает, интереснее, чем смотреть, как это делает двурукий. Скажи ему, чтобы поменял Юра на Дана.

Криве-Кривейта, сидя на склоне горы, тяжело поднял на Тита выцветшие, как бы поседевшие за долгие годы жизни глаза.

— Я вымолил дождь у богов, а ты о чем меня просишь?..

Тит хотел сказать, что лучше бы Криве-Кривейта так не старался, ведь вымолил не дождь, а потоп, после которого неизвестно, как жить. Но не сказал так. Если приходишь просить, о своем не скажешь. Поклонился верховному вешуну:

— О мелочи прошу. Богам разве не все равно, кто меня забьет?..

— О мелочи... — поднялся Криве-Кривейта. — С мелочи все и начинается. Что нужно, чтобы стена обрушилась? Из основания камушек вынуть. Вон, смотри, — показал он вниз, где у подножья горы белела часовенка, недавно возведенная кривскими христианами. — Они тоже с мелочи начинали. Однажды петуха жертвенного пожалели. А теперь?.. Отстранили наших богов! Отреклись от веры предков!.. — начал повышать голос Криве-Кривейта, поворачиваясь от Тита к дюжине людей, что стояли около часовни. И внезапно вскинул руки, перешел на крик, и слова его валунами покатались с горы на людей, на часовню, на Крево: — Так вот что скажу вам я, верховный вешун Криве-Кривейта! *Воля ваша будет перемелена, как зерно в жерновах, верой новой — и развеется, как пыль дорожная. Слава ваша забудется, а имя ваше будет именем презираемых и покоренных. Потомки ваши отвернутся от крови своей и могилы ваши поруганы будут. Плоды земли вашей, кровь и пот ваши возьмут чужаки, и вы их боготворить будете. Жены и дочери ваши станут прислужницами у тех, которые вами владеть будут. Перед рабами своими согнете шеи и унизите образ свой до покорности. Смолкнут вечевые звоны в городах и песни свободы в селах. И переполнятся воды слезами вашими, воздух стонами, а земля кровью вашей. И сгинете с лица земли, если не опомнитесь и не скажете себе: земля наша — дом наш, она — могила пращуров и колыбель будущих поколений наших!..¹*

¹ Курсивом — цитата из Вацлава Ластовского — белорусского писателя, историка, филолога.

Криве-Кривейта страшный был, и люди внизу, как будто прячась от его тяжелых, что камнями катились, слов, скрывались за часовней, к которой по дороге вдоль Кревлянки, от дома Тита в сторону Яриловой горы, обхватив руками живот, шла Милава. «Что это она надумала?..» — стал спускаться, чтобы перехватить ее, Тит и успел встретить на дороге, но у Милавы было такое лицо, такие глаза, она шла так, как, может быть, идут с земли на небеса, такая она была, что люди, глядя на нее, начали креститься, и Тит сошел с дороги, а Милава скрылась в часовне.

Молиться пришла. Ну, что ж... Пусть помолится своему Богу, который неведомо кто и неведомо где...

— Дан! — позвал Тит, вернувшись домой. — Тащи барана в дровяной сарай! А ты, Юр, лопату возьми!

Вит вышел из хаты.

— Ты что надумал, отец? Чтобы Юр на баране лопатой бить наловчился? Чтоб столько мяса на такой жарнице пропало? Что-то ты надумал не то... — сказал он, помогая Дану тащить барана, которого положили они головой на колоду, а Тит крикнул Юру, который взял лопату:

— Ребром! Под череп! Бей!

Юр ударил. Не совсем ребром и не под череп, наискосок по шее. «Бэ-э-э...» — пробежал баран, вырываясь, но Дан с Витом держали его крепко, а Юр еще раз ударил, и баран еще раз пробежал, и только на третий раз Юр попал, как надо, под череп, баран подрыгался и затих.

— Мне тоже так бекать и дрыгаться? Дрыгаться и бекать? — со злостью вырвал лопату у Юра, гекнул ей, как секирой, раздробил барану череп, отбросил лопату и пошел в дом Тит. — Наделал сыновей на свою голову!..

Вит поднял лопату, сходил на речку, отмыл от крови, поставил у стены около окна, в которое со злостью смотрел во двор отец. Сказал, повернувшись к братьям:

— Не хочет он умирать.

Дан потащил барана в погреб. Там, в каменных стенах, хоть и не было холодно, но все ж не так жарко, как на дворе.

— Тогда зачем вчера он сказал про лопату? — спросил Юр. — Кто его за язык тянул?

Дан закрыл погреб, навесил старый кожух на двери.

— Думал, что хочет. А теперь подумал, что нет. Человек по-разному думает.

— Ага, — кивнул на двери погреба Юр. — Баран тоже думал. А сегодня мы им поужинаем.

Это было неуважение к отцу, и Вит, как самый старший, взглянул на Юра с неодобрением.

— Ты сам думай, что говоришь.

Дан заступился за брата.

— Что он говорит не так? Дельно говорит. Где теперь еду брать, если земля пустая? Только в набегах на соседей. А отец наш воин. Да еще какой. И сила его не меньше моей. А он под лопату. Как баран.

Дану Вит ничего не сказал. Повернулся и пошел в дом.

— Он Милаву обрюхатил, — тихо сказал Юру Дан, и Юр то ли не расслышал, то ли не понял.

— Что?.. Кто обрюхатил?.. Вит?..

— Отец.

— Да брось! С чего ты взял?..

— Милава сказала.

— Когда?

— Сегодня. Как грозой огороды смыло. «Это же голод, — и заплакала. — Дитя мое умрет. И это за мой грех». Я спросил: «За какой?..» — и она сказала.

Юр подошел к брату, обнял его одной рукой.

— И ты ее не убил? Отпустил?

— Как я убью? Когда в Смоленске, как только увидел, во мне как гром ударил: «Моя!» А дотронулся — заколотило всего. Как будто бабы не было никогда. Она кинжал турецкий, кривенький такой, из паха: «Силой возьмешь — никогда твоей не буду!» А я взял. Не удержаться было. Может, из-за этого она с отцом. Чтобы отомстить... Хоть сказала, что и он силой взял. Но его полюбила. Так, сказала, что насмерть. Вот как так?..

— Что как?

— Его полюбила, меня — нет. Из-за того самого...

— Видно, не из-за того. Ты догадывался?

— Мелькали мысли. Но...

— Но не верил в то, о чем думалось?

— Не верил.

— И не спрашивал ее?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Что зачем?

— Зачем призналась?

Дан пожал плечами.

— Не знаю. Спросил сегодня про грех — она и сказала. Проговорилась.

— Но могла ж про другой грех сказать?

— Могла.

— А сказала про этот. Почему?

Дан не выдержал, оттолкнул Юра.

— Что ты ко мне прицепился! Почему, почему?.. Голода испугалась. Или испугалась, что сам узнаю!

— Как? Сегодня отцу конец — и как бы ты узнал? Никто бы не узнал никогда. А она призналась. Почему?

Дан едва не накинулся на Юра.

— Да не хочу я знать, почему! Какая мне разница, почему! Мне надо думать, что делать, а не о том, почему призналась!

Юр не отступил, снова обнял брата.

— Да. Надо думать, что делать. Раз Милава придумала что-то.

Дан вдруг обмяк.

— Я знаю, что... Ну, догадываюсь... Помнишь, я сказал тебе, что Агну в Альконах засек, потому что ты из-за нее без руки остался. Так нет... Я там и не помнил, что ты без руки. Оно как было... Мы ворвались — Агна перед Давмонтом на колени. Ноги ему целовать. «Только не забывай Миндовга! Он не виноват! Это мой грех, это я виновата, что полюбила его и осталась с ним! Меня убей, только его не убивай!..» Давмонт растерялся, не ожидал... Тут Миндовг на нас кинулся. Давмонт его засек, а я Агну... Пополам разрубил! От шеи до паха. Курва! Я понял бы, если б за детей попросила. А она за него! Он мужа ее, семью унизил, над Кревом, над Нальшей надругался, а она... Так и Милава за отца, понимаешь? Он силой ее, а она мне: «Я его одного люблю! Хоть убей!..» Вот у мужиков такого быть не может, а у них есть. У этих баб. Так что она...

— Тит! — позвали с улицы. — Ты дома? — и не ожидая ответа, во двор ступил вайдэлот Тур со своими жрецами. — Где отец? Пора.

Из дома вышел Вит, за ним отец. В белом исподнем, перевязанный поясом с тевтонским мечом, подаренным когда-то великим князем Миндовгом. Повернулся лицом к дверям, встал на колени, поцеловал камень порога. Поднялся.

— Я готов. Юр, дай лопату... — И наклонился к уху Юра. — Если не справишься лопатой, мечом засечешь.

Вот придумал! «Мечом нельзя...» — подавая лопату, попробовал поспорить Юр, но отец не стал его слушать.

Вышли на улицу. Впереди вайдэлот Тур со жрецами, за ними Тит с мечом на поясе и лопатой на плечах, за Титом трое его сыновей. Вдоль Кревлянки двинулись к Яриловой горе.

— Тит, — спросил, когда прошли половину дороги, вайдэлот Тур. — Скажи мне, ты сдурел? Или в детство впал?

— Состарился я, Тур.

— Да при чем тут состарился, не состарился? Люди уже забыли, когда у нас кого-то лопатой забивали. После того, как сын Драговита не добил отца, и тот два года лежа промучился, стал забываться обычай. А ты за него уцепился. Почему? Только не говори, что сыновья тебя в запечье гонят. Я давно тебя знаю, ты сам их загонишь, если захочешь. Разве не так? А, Вит?

— Загонит, — сказал из-за спины отца Вит. — Если захочет.

Тит выше вскинул руки на лопату.

— Не захочу. Хотеньев во мне уже никаких не осталось. — И добавил, помолчав: — Кроме одного.

— Какого? — повернулся к нему вайдэлот Тур. — Какого одного?

Тит усмехнулся.

— Скажу — не исполнится.

— Усмехается он, — плюнул под ноги вайдэлот. — Голове на плечах быть полчаса осталось, а он усмехается...

Подожли к Яриловой горе, у подножия которой уже толпились кревляне, а на вершине, раскинув руки, стоял недвижно, как крест, верховный вешун Криве-Кривейта. В белом плаще и красной, отороченной белой тесьмой и подвязанной белым поясом с бычьими хвостами на концах, тунике. «Сейчас снова проклинать начнет...» — подумал Тит, но верховный вешун смотрел, как поднимаются вслед за вайдэлотом люди в гору, и молчал. Поднялись, стали кругом — и Тит пошел по кругу, завершая свой земной путь. Один круг, второй, третий... Шел, ни о чем не думая, ни про что не вспоминая, ни о чем не жалея, да о чем жалеть? Круг за кругом, год за годом, изо дня в день работа, пот, мозоли, кровь, войны, битвы, просвета между ними не видел — и это жизнь? Лишь под конец блеснула, как солнце на мече, любовь, но как бы украденная, так что ж: цепляться за нее? Тем более, что не у постороннего человека украденное, как Миндовг у Давмонта украл, а у сына своего — вон он стоит около вайдэлога Тура, из-подо лба смотрит, ожидая, когда его брат младший отцу череп раскроит. Так Тит на его месте и не ждал бы. В постели вместе с Милавой задушил бы...

Но Тит на своем месте. На том, на котором завершаются все круги. Четвертый, пятый, шестой... И не хочется ему никого душисть, никому мстить — вообще ничего не хочется. Разве сына своего самого младшего увидеть, про которого все будут думать, что это внук — вот только одно, какое еще осталось, желание. И удивительно, что после жизни, в которой он поубивал людей больше, чем их собралось теперь на Яриловой горе, оно, желание увидеть еще одну жизнь, осталось...

Никогда больше не убьет, никому не отомстит. Наубивал, наотомстил. Хватит. И не потому, что Милава про своего единого Бога ему нашептала, про смертный грех...

«Какой грех? — спрашивал он Милаву. — Рыбы глотают рыб, птицы клюют птиц, звери загрызают зверей. Так было, есть и будет. Так должно быть, ведь если не убьешь, не съешь ты, так убьют и съедят тебя. А если я дам себя съесть, так что про меня скажут? Что я безгрешный? И что мне с того, что я безгрешный, если меня съели?..»

«Ты был как рыба, как птица и как зверь, пока не знал Бога», — шептала Милава. И научила молиться: «Отче наш небесный, да святится имя Твое»... И крестила: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...» И прижималась к нему, распаленная: «Бог — любовь, Бог — любовь, Бог — любовь...»

Седьмой круг... восьмой... девятый... и каждый следующий короче, уже предыдущего — почему так?..

Тит подошел к жертвенному камню на капище, стал лицом к солнцу — и для себя самого неожиданно прошептал: «Отче наш небесный, да святится имя Твое...» Он шептал совсем тихо, но Криво-Кривейта услышал, заиграл желваками. «Воля наша будет перемелена, как зерно в жерновах...» — начал говорить верховный вещун, повышая голос и перекрывая и молитву Тита, и пронзительный детский крик под горой, на вершине которой Тит встал на колени, положив голову на камень и сбросив руки с лопаты, что лежала у него на шее, как весло, с которым переплывают мертвую реку, с этого берега на тот, а Криво-Кривейта не утихал: «Потомки ваши отвернутся от крови своей... могилы ваши осквернять будут...» — и вайдэлот Тур подвел к камню Юра, тот взялся за ручку лопаты, повернул ее ребром вниз, посмотрел на братьев, один из которых, Вит, отвернулся, а другой, Дан, кивнул на солнце, которое наполовину уже спряталось за горизонт: «Пора...» — но верховный вещун не докричал еще своих проклятий: «Жены и дочери ваши станут прислужницами... перед рабами своими согнете шеи...» — и Юр уперся глазами в отцовскую шею, думая только об одном, о том, что мечом — нельзя, потому что по обычаю — только лопатой, поэтому изловчиться надо так, чтобы сразу все кончить, чтобы отец не мучился или, еще хуже, не остался, как Драговит, прикованным к постели калеккой, которому не помогут ни вайдэлот, ни верховный вещун, который продолжал: «Смолкнут вечевые звоны в городах и песни свободы в селах...» — и Юр, на память зная проклятия Криво-Кривейты, поднял лопату, да тут Милава, выскочив из часовни, заголосила как будто умер кто: «Сын! Сын! У Тита сын! Самый младший!» — и побежала в гору с дитем, которое даже не вытерла, у которого голова была вся в крови, как будто побитая камнями слов, проклятиями, что бросал с горы Криво-Кривейта: «Переполнятся воды слезами вашими... сгинете с лица земли...» — и когда Милава, припадая на локти, на колени, вскарабкалась на вершину: «Тит, смотри: твой сын!..» — Тит приподнял голову, взглянул на дитя, довольный, как человек, у которого все сложилось так, как он хотел, и снова лег на камень, крикнув Юру: «Ребром! Под череп! Бей!» — но Юр не ударил, отбросил лопату: «Я не младший!..»

И закатилось за Перунову гору, блеснув последним лучом, солнце. А на Яриловой горе стало так тихо, что слышно было, как дышит младенец.

Гора ждала...

Тит поднялся, не зная, что ему, живому, теперь делать, смотрел, как Милава слизывает кровь с головы дитя. «Как сучка», — подумал.

— Ты признаешь, что изменила мужу? — нарушил молчание, подойдя к Милаве, вайдэлот Тур. — И что дитя твое не от него?

— Признаю, — прижала мальчонку к груди Милава. — Это сын Тита. Самый младший.

Она прижимала к груди ребенка, смотрела на вайдэлота и победно усмехалась.

Гора ждала...

— О Перун, который дает нам дождь! О Ярило, который дает нам солнце! О Велес, кто дает нам то, что под дождем и солнцем вырастает! За что спалили вы и потопом залили нальшанскую землю? — не стал больше ждать верховный вещун Криво-Кривейта. — За то, что на ней выросла измена! За то, что на нее пришла чужая вера! За то, что на ней стали молиться чужому Богу! За то, что нарушены законы, по которым жили предки! Растоптаны извечные обычаи! Погас жертвенный огонь!.. — распалая сам себя, почти при каждом слове пальцем тыкая в сторону Милавы, верховный вещун, нагоняя страха на людей, которые втиснули головы в плечи и смотрели на Милаву со все большей ненавистью. Понятно было, чем Криво-Кривейта закончит, и, когда он вскинул руки вверх: «Так пусть примут наши боги жертву нашу!..» — Тит сказал так, чтобы вся гора услышала: «Это не мой сын!»

— А чей?.. — подскочил к нему вайдэлот Тур, у которого появилась возможность отомстить Титу за все унижения. — Если Милава говорит, что твой!

Тит сделал вид, как будто вайдэлот удивляет его своей доверчивостью.

— Мало ли что она говорит... Это сын моего сына. Мой внук. — И повернулся к Дану. — Дан, это твой сын?

Дан долгим, страдальческим взглядом посмотрел на отца, на вайдэлота, на верховного жреца, на Милаву с хлопчиком... Вит, который стоял рядом с Даном, что-то сказал ему тихо... Дан покачал головой: «Нет...» — и промолвил твердо:

— Нет.

«Ух!..» — выдохнула гора, а вайдэлот Тур выхватил меч из-за пояса Тита и воткнул его в землю около ног Дана:

— Тогда ты знаешь, что делать!..

Меч стоял неподвижно. На волосок не качаясь.

Гора ждала...

— По обычаю наших предков жена, которая изменила мужу, должна быть осуждена на смерть! — начал, повышая голос, Криво-Кривейта. — Вы нарушили обычай — и на землю вашу пришел блуд, который несет погибель! Если жена не уважает мужа, тогда сын не уважает отца и рвется связь поколений! Слабеет и гибнет род! Тогда враги наши, которые становятся сильнее из-за нашей слабости, приходят и забирают...

— Хватит! — вырвал меч из земли Дан. — Я уважаю отца! И по обычаям наших предков он, глава рода, должен вершить суд! И над женой моей, которая мне давно не жена, и над ребенком ее, который не мое дитя, и надо мной, если на то его воля! Я слабый, — подал он меч Титу, — и сам совершить суд не смогу...

Дан стоял перед отцом, подавая ему меч, а Тит меч не брал, потому что когда берешь в руки меч, так должен им сечь — вот какую Дан придумал месть. «Ты у меня забрал Милаву — теперь забери ее у себя...» Так они стояли, неподвижные, один перед другим, но сколько можно было им, сыну и отцу, один перед другим стоять, когда ждал, как коршун, готовый уцепиться в Милаву, Криво-Кривейта, когда ждал, вьедливо усмехаясь, вайдэлот Тур, когда гора ждала...

Гора не жаждала справедливости. Никто не ждал, что Тит возьмет меч, чтобы соблюсти законы, по которым жили предки. Нет. Все ждали зрелища. Только зрелища — больше ничего. Тит это понимал. Но понимал также и другое. Если не совершить суда, так все засухи с потопами и войны с пожарами, все беды, которые случатся на этой земле хоть через день, хоть через год, хоть через век, будут бедами, посланными богами из-за Милавы. Тут уже верховный жрец с вайдэлотом постараются... А откуда Милава взялась? В чьей семье прижилась?.. И если семья, если Тит теперь покажет слабость, пагубная слава смолянки клеймом ляжет на весь род. На Вита, Дана, Юра. На их потомков. На этого хлопчика, которого обнимает в последних объятиях Милава...

Гора ждала.

Тит чувствовал себя, как за мгновение перед боем, шансы в котором равны на жизнь и смерть. Зрение, слух были так обострены, что он слышал, как в каждом, кто стоял хоть близко, хоть далеко, шумит, требуя выхода, кровь. Слышал голоса, которые еще не вырвались, стояли у кого под сердцем, у кого под горлом: «Ведьма!.. Курва!.. Смерть!.. Убить!..» — и видел в глазах тех, кто верил во многих богов, и в глазах тех, кто верил в Бога единого, как одинаково разгоралась в них ненависть, из-за которой забывали они про любовь.

Они жаждали не только смерти Милавы. Еще больше они жаждали позора Тита. Воина, что взял женщину — и не возьмет меч...

«О Перун!.. О Велес!.. О Ярило!.. На что вы разгневались? На любовь? Почему?.. Позавидовали? Вас так не любили, чтоб на смерть пойти?.. Меня тоже. Потому я не знаю, что с этим делать».

— Как назвать сына?.. — беря меч, спросил Тит, и Милава, поняв все, оторвала от себя дитя:

— Николаем!.

«Ай-яй-яй!..» — заплакал ребенок, когда Тит взял его, прижав рукояткой меча и

сделав, может быть, больно, а Криве-Кривейта, все еще злясь, что ему проклятий докричать не дали, буркнул:

— Нет у нас таких имен, вот и плачет...

Тит стоял, боясь пошевелинуться, чтобы как-нибудь не повредить малышу. Попробовал вспомнить, как их держат, детей, — и не вспомнил. Потому что не держал никогда. Сабли, копья, мечи всякие держал, а такое малое дитя — нет. Первый сын родился, когда с татарами бился, второй — когда с тевтонцами, третий... уже и не помнил, с кем. Когда изредка передых выпадал, не успевал привыкнуть к детям, они к нему — и снова меч в руки. И когда мать их, Добронегга, от голода умерла, на войне был. Вернулся — дети одни. Оголодавшие, охолодевшие. Было пятеро, выжили трое...

— На, поддержи... — подал он дитя, чтобы руки освободить, Дану. Тот отступил, не взял — и Тит положил сына на жертвенный камень.

Больше ничего, чтобы оттянуть неизбежное, сделать было нельзя.

Он подошел к Милаве... Надо было что-то сказать, но что?.. Что сказать женщине, которая так тебя любила, что пожертвовала жизнью ради тебя?..

Не надо было... Не надо было... Не надо было...

— Милава, я...

— Я не Милава. Когда крестили, назвали Ольгой.

Она смотрела спокойно. И спокойно сказала. Он взял ее за руку — и как зашумела в нем кровь!

— Стань на колени...

— Где?.. Тут?..

— Тут.

Она встала на колени перед ним.

— Так?

— Нет. Ко мне спиной...

Она поднялась — глаза в глаза... Ничего не сказав, снова встала на колени. Спиной к нему, лицом к камню. К сыну.

— Так лучше?

— Так. Лучше.

— А волосы...

— Что волосы?..

— Может, на грудь убрать... Не мешают?..

Ему стукнуло под сердцем, подкатило под горло... Он сглотнул.

— Не мешают... Но можешь на грудь... И можешь помолиться своему Богу, Ольга...

Она кивнула, подняла руки, перекинула волосы с плеч на грудь... Как черную тучу над белым снегом...

«Отче наш небесный! Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...» — молилась она, глядя на жертвенный камень, на сына, и когда, прошептав «аминь», перекрестилась, Тит ударил сверху вниз с мгновенным, молниеносным взмахом, которому всю жизнь учился, чтобы пополам рассекать врага, и Милава отделилась от Ольги, и вся кровь, которая была в обеих, вылилась на жертвенный камень...

Даже тишина. казалось, стихла — и минуту стояла, острая, как лезвие меча. «А-а-а!..» — рассек ее надвое захлебывающийся крик Николая, и одним духом: «Ух-ух...!» — выдохнула гора, а Тит, бросив меч, схватил дитя, прижал к груди и красной тенью в белом бежал от капища вниз до часовни сквозь толпу, в которой кто в страхе от него отступал, а кто на колени вставал — то ли перед отцом, то ли перед сыном, окрещенным в материнской крови.